

Глава 17. Ты не сможешь, а я смогу

Тело рухнуло на пол, и затуманенный разум мгновенно прояснился, словно долгий сон подошёл к концу.

Гу Мочжэн лежал на до боли знакомом ковре и не шевелился.

Точнее, не смел подняться.

Он знал, что если сейчас встанет, то может лишь усугубить ситуацию.

И юноша не ошибся. Молодой господин, на предельной скорости извергнув все известные ему ругательства, не стал спускаться с кровати, чтобы его избить, а вместо этого сердито направился в ванную — рассматривать перед зеркалом «рану», оставленную Гу Мочжэном.

Дверь ванной захлопнулась с такой силой, что, казалось, задрожал пол.

Утопая в ворсе ковра, парень закрыл лицо руками и издал едва слышный стон.

Полчаса спустя.

На столе стоял роскошный завтрак, приготовленный поваром, — от китайских до европейских блюд.

Двое за столом сидели тихо, как мыши. Не прикасались к еде, не разговаривали. Один смотрел в потолок, другой — в пол.

Повар, проявив чудеса такта, удалился, предоставив молодым и пылким душам достаточно пространства для общения.

Прежде чем пар над пшённой кашей в миске окончательно рассеялся, Гу Мочжэн наконец заговорил:

— Прости, это всё моя вина. Можешь ругать меня сколько угодно, я и слова в ответ не скажу.

До перерождения он мог по праву находиться и в больнице Цинхэчэн, и в Шуйюэване, и в кровати Фэн Цзина. Но после — уже нет.

О событиях прошлой ночи он расспросил Ло Сы в мессенджере и в целом всё понял. Что же до происходящего сегодня утром...

С этим он тоже почти разобрался.

— Да ты... — Фэн Цзин не был из тех, кто любит ломаться. Раз собеседник сделал первый шаг, он решил пойти ему навстречу.

Он уже приготовил целую тираду, чтобы обрушить на голову виновника, но, не успев произнести и слова, боковым зрением заметил покрасневшие уголки его глаз.

Лёгкая краснота тянулась от внутреннего уголка к внешнему, словно кто-то тонкой кистью нарисовал на белоснежной коже две изящные полосы заката.

Прошлой ночью Фэн Цзин впервые в жизни делил с кем-то постель. И хотя он долго себя уговаривал, на деле уснуть так и не смог.

Проворочавшись полночи, юноша от скуки принялся считать длинные ресницы соседа. Он считал их, пока не уснул, и даже во сне его мысли были заняты лёгкой припухлостью под его глазами. Поэтому Фэн Цзин был абсолютно уверен: до самого утра этих следов не было!

Все заготовленные слова застряли у него в горле. Вместо них вырвался срывающийся на крик вопрос:

— Ты чего плачешь?!

Вопрос был настолько неожиданным, что Гу Мочжэн на мгновение замер.

Молодой господин в ярости продолжил:

— Это я ещё не заплакал, а ты уже ревёшь!

Он так заботился о нём, а этот парень ещё смеет строить из себя жертву!

Если уж на то пошло, жертвой здесь был Фэн Цзин. Вступился за него, спас ему жизнь, и вдобавок ко всему был им же укушен!

Это он ещё не плакал, а Гу Мочжэн уже в слезах!

На душе у юноши было тяжело. Уголки его губ опустились, голос звучал слабо и безжизненно:

— Прости, это я виноват, я...

— Не смей плакать, улыбайся! — Фэн Цзин ударил ладонью по столу, сверкая глазами.

Собеседник потерял дар речи.

Даже после перерождения молодой господин остался таким же властным. В прошлой жизни, будучи его содержанцем, Гу Мочжэн никогда не отказывал ему в его прихотях.

Но в этой жизни он не должен и не будет этого делать.

Юноша подавил в душе крохотное чувство сожаления и, не поднимая опущенных уголков губ, продолжил объяснять:

— Прости, у меня был... любимый человек. У меня был жар, я перепутал тебя с ним, поэтому и сделал такое. Я не нарочно...

— Я тебя спрашивал?! — гневно прервал его Фэн Цзин.

Объяснения не только не успокоили его, но и разозлили ещё больше. Вопрос, почему Гу Мочжэн его укусил, не требовал пояснений. Фэн Цзин и сам прекрасно всё понял.

Ни один психически здоровый человек не станет делать подобное с тем, с кем не состоит в отношениях, если только не перепутает его с кем-то другим. Но Фэн Цзина волновало совсем другое.

— И что, ты меня за другого принял и теперь считаешь, что тебе же хуже стало? Ещё и плачешь из-за этого?!

Парень очень долго вздыхал, пока не выпустил из лёгких весь воздух. Лишь тогда он произнёс очень тихим, почти невесомым голосом, чтобы не потревожить души:

— Он умер.

Его собеседник застыл.

Гу Мочжэну едва исполнилось двадцать, его возлюбленный должен был быть примерно того же возраста. Фэн Цзин был уверен, что тот просто ошибся, и ему даже в голову не пришло, что любимого человека больше нет в живых.

«Вот так влип»

— Мне всё кажется, что он жив, что он рядом со мной, что он помнит всё, что между нами было, — продолжал юноша. — И только сейчас я понял, что того, кто принадлежал мне... больше нет.

Он не лгал и не пытался вызвать жалость, чтобы оправдаться. Даже после перерождения горе, затаившееся в глубине души, неотступно следовало за ним.

Смерть любимого человека — это бесконечный, влажный сон, длящийся дни, годы. И в момент пробуждения обрушивается ливень.

Фэн Цзин долго молчал, а затем, сцепив зубы, выдавил:

— ...Прости.

Это его обидели, он был прав, но в итоге извиняться пришлось ему! Невыносимый Гу Мочжэн!

— Это не твоя вина, — понуро ответил парень, опустив голову. — Это я ошибся.

Фэн Цзин не решился продолжать этот разговор. Ещё пара фраз, и одними извинениями дело бы не кончилось, пришлось бы ещё и компенсацию предлагать. Ничего не оставалось, кроме как сменить тему:

— Как ты себя чувствуешь? Лучше?

Гу Мочжэн помолчал мгновение и ответил:

— Намного. Жар почти спал. Я уже написал куратору, чтобы они не приезжали. Такая жара, только зря мотаться.

— Да, правильно, пусть не приезжают, — поспешно согласился молодой господин. — Тебе и здесь хорошо... Булочку будешь?

— Спасибо.

Тот покорно принял угощение. Свежеиспечённая булочка с бобовой пастой была мягкой, нежной и сладкой. Стоило разломить белоснежную корочку, как из неё вырвался пар, смешанный с густым ароматом красных бобов.

Юноша вчера целый день ничего не ел и сейчас был действительно голоден. Он съел две порции маленьких булочек, а затем, закусив пирожком с говядиной, выпил большую миску каши.

Увидев, что гость насытился, Фэн Цзин, прочистив горло, перешёл к делу:

— Ли Гуйчэн больше не появится. Фестивалем будет заниматься другой человек.

— Кто такой Ли Гуйчэн? — спросил Гу Мочжэн.

— Тот, который не знает, кто его отец, — ответил Фэн Цзин.

— А, он, — протянул юноша.

Его собеседник в ответ презрительно хмыкнул. После короткой паузы, полной молчаливого понимания, он посерьёзней:

— Ты, должно быть, и сам заметил, что нынешний фестиваль отличается от предыдущих. И сотрудничество с предприятиями, и коммерциализация... Не знаю, что там задумали в университете, но добром это не кончится. Не будь козлом отпущения, возвращайся в клуб бриджа готовиться к Лиге восьми школ. Ты как раз заболел, это отличный повод, чтобы выйти из игры...

Гу Мочжэн кивнул и сказал:

— Нет.

Тот недоумённо уставился на него.

«Зачем тогда кивать?!»

— Кивок означает, что я согласен с твоими словами, — улыбнулся парень, словно читая его мысли.

— Но всё равно нет? — недоверчиво переспросил Фэн Цзин, широко раскрыв глаза.

— Но всё равно нет, — снова кивнул тот.

Молодой господин нахмурился и пристально посмотрел на собеседника, ожидая продолжения.

— Я собираюсь баллотироваться на пост председателя студенческого совета, — спокойно сказал Гу Мочжэн. — Музыкальный фестиваль — это моя возможность проявить себя. Если я смогу успешно организовать это мероприятие, среди нынешних глав отделов у меня не будет конкурентов.

Фэн Цзин цокнул языком.

Он действительно предпочитал таких откровенных карьеристов тем, кто скрывал свои намерения. Однако люди, ослеплённые амбициями, не видящие опасностей на своём пути и неспособные трезво оценить свои силы, раздражали его не меньше.

Желая сохранить такого редкого партнёра по бриджу, Фэн Цзин терпеливо попытался ещё раз:

— Нынешний фестиваль — дело непростое. За ним стоят очень сложные силы. Возможно, даже я не смогу с этим справиться.

— Ты не сможешь, а я смогу, — сказал Гу Мочжэн.

На его лице играла лёгкая улыбка. Он был спокоен, собран и далёк, как глубокое море в сотнях километров от берега.

Фэн Цзин мгновенно стал серьёзным. Так вот оно что. Он ошибся. Гу Мочжэна нельзя было описать простой фразой «ослеплённый амбициями».

В его голове пронеслись десятки догадок, но в итоге он задал совсем другой вопрос:

— Ты вообще знаешь, кто я такой?

— Конечно, — усмехнулся юноша. — Мы ведь целый год работаем вместе в студенческом совете. Слухи о тебе я слышал столько раз, что уши в трубочку сворачиваются.

— А жар у тебя точно прошёл? — с досадой спросил Фэн Цзин.

— Точно, — ответил тот. — Не веришь — сам потрогай.

Молодой господин помедлил мгновение, но всё же поднялся. Он подошёл к Гу Мочжэну и приложил ладонь к его лбу.

Ощувив под рукой прохладную кожу, он недовольно сморщил своё красивое лицо. Невероятно. Как может человек в здравом уме и без температуры думать, что то, с чем не справится Фэн Цзин, он сможет сделать?

Гу Мочжэн перехватил его запястье и накрыл его руку своей.

— Я действительно знаю, как с этим справиться, — мягко сказал он. — Не волнуйся.

— Кто за тебя волнуется! Я волнуюсь за...

Фэн Цзин хотел сказать «за своего партнёра», но тут же вспомнил, что, несмотря на все его усилия, тот так и не стал его партнёром. Слова застряли в горле, а внутри закипел гнев. Он мгновенно надулся, как рыба-фугу.

<http://bllate.org/book/15989/1501066>